

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СНОВИДЕНИЯ

УДК 821.161

Т. И. Ковалева

Новосибирск, Россия

О РОЛИ ВИДЕНИЙ В АГИОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ О ВИДЕНИИ В ЖИТИЯХ КИРИЛЛА И ФЕРАПОНТА БЕЛОЗЕРСКИХ)

Анализируются эпизоды Житий Кирилла и Ферапонта Белозерских, содержащие идентичный рассказ о видении. Автор Жития Ферапонта вводит в свое повествование фигуру Кирилла и почти дословно воспроизводит описание ухода подвижника в пустынь из его Жития, не делая Ферапонта тайнозрителем, в отличие от авторов других северорусских житий, использовавших рассказ о видении Кирилла. Видение, явленное Кириллу, оправдывает и освящает осуществленный без благословения игумена уход Кирилла и Ферапонта в пустынь. Но если для автора Жития Кирилла важен только подвиг его героя, создатель Жития Ферапонта намеренно связывает в повествовании общим событием судьбы двух разных героев, подчеркивая неразрывность их духовной связи и тему преемственности служения Богу, основополагающую для концепции этого сочинения.

Ключевые слова: древнерусская литература, агиография, агиографическое повествование, видение, сюжетный фрагмент, литературный источник.

Видения (рассказы о встречах тайнозрителя с посланцами потустороннего мира) в древнерусской литературе представлены материалом обильным и неоднородным как по тематике, так и по степени формального выделения в повествовании. До XVI века видения существуют исключительно в составе других сочинений, затем начинают выделяться в самостоятельные произведения. Наше внимание привлечено к их особой тематической разновидности, которая в отдельные сочинения так и не оформилась, – видениям, связанным с основанием церкви / монастыря.

Наивысшей точки своего развития видения названной тематики достигли в северорусских житиях основателей монастырей XV–VII веков: Кирилла и Ферапонта Белозерских, Александра Свирского, Ефрема Перекомского, Кирилла Новозерского, Филиппа Ирапского. С XV века видения уже начинают осознаваться агиографами как отдельный рассказ, на что указывают особенности их структуры, приближенной к структуре более поздних самостоятельных рассказов о видениях, и в ряде случаев выделение особым заголовком.

На материале перечисленных северорусских житий основателей монастырей можно проследить процесс овладения агиографами видением как приемом для построения ситуации ухода подвижника из монастыря в пустынь. В ее основе выявляется общая схема, которую задал рассказ о видении из Жития Кирилла Бело-

Ковалева Татьяна Ивановна – младший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, tkvl@inbox.ru)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 18–22.

© Т. И. Ковалева, 2016

зерского¹. Кирилл, как отмечает Т. Б. Карбасова, был самым авторитетным для всего Белозерья, поэтому его Житие использовалось агиографами в качестве образца [2, с. 30]². Это сочинение создано во второй половине XV века виднейшим книжником того времени Пахомием Сербом. Главный подвиг Кирилла Белозерского – основание знаменитой обители, был осуществлен благодаря видению, описанному в рассказе Жития «О явлении Пречистыя Богородица». Во всех названных выше Житиях, за исключением Жития Ферапонта Белозерского, тайнозрителем видения становится их заглавный герой, что приводит к изменениям исходного фрагмента в контексте сочинений. Автор Жития Ферапонта работал с заимствованным фрагментом иначе.

Житие Ферапонта Белозерского³, как пишет Е. Э. Шевченко, создано в XVI веке перед канонизацией святого (в 1547 или 1549 году) неизвестным иноком Ферапонтова монастыря [1, с. 196]. При написании этого сочинения автор использовал грамоты, сведения летописей, устные предания, но основным источником для него послужило Житие Кирилла Белозерского, поскольку в нем упоминается инок Ферапонт. Это связано с пересечением жизненных путей подвижников, так как они, согласно жизнеописанию Кирилла, были постриженниками Московского Симонова монастыря⁴, который через много лет самовольно оставили, чтобы поселиться вдвоем в Белозерье. Г. М. Прохоров комментирует эту ситуацию следующим образом: «Мне кажется, обстановка в престижном московском Симоновом монастыре должна быть очень ненормальной, если два шестидесятилетних монаха, тамошние постриженники, могли с легким сердцем, тайком, никому ничего не сказав, покинуть обитель. Они, по сути дела, сбежали из своего монастыря и отправились далеко на север» [1, с. 22]. Авторы Житий двух белозерских святых должны были согласовать этот противоречащий традиции момент с идеальными образами героев, далее будет показано, как они справились с этой задачей.

Прежде сравним эпизоды Житий Кирилла и Ферапонта, содержащие рассказ о видении, обращая внимание на границы фрагмента, заимствованного автором биографии Ферапонта из жизнеописания Кирилла (с. 72–76; с. 206–210). Поскольку эпизоды построены на основе общей схемы, будем говорить сразу об обоих текстах.

В Житии Кирилла говорится, что святой был пострижен в Симоновом монастыре⁵, где прошел все этапы иноческого послушания, и даже стал его настояте-

¹ В работе используется текст Жития, опубликованный в издании: [1, с. 50–167]. Далее в круглых скобках указываются страницы этого издания.

² Д. М. Буланин пишет: «Прежде чем приступить к написанию собственного сочинения, древнерусский писатель собирал выписки из чужих авторитетных трудов, а затем включал некоторые из этих выписок в состав своих произведений» [3, с. 6]. Перенос из текста в текст различных описаний, словесных формул, трафаретных ситуаций является одним из ведущих принципов создания средневековых сочинений, поскольку поэтика древнерусской литературы подчинена этикету [4, с. 344–370].

³ В работе используется текст Жития, опубликованный в издании: [1, с. 198–233]. Далее в круглых скобках указываются страницы этого издания.

⁴ В Житии Ферапонта к этому факту добавляются сведения, отсутствующие в Житии Кирилла (о совместной молитве иноков, благословении и о том, что они были ровесниками), которые характеризуют их взаимоотношения как духовное братство: «...По мале времени прииде Ферапонт въ еже посетити святаго. И молитве бывши и благословению – понеже блаженный Ферапонт едино пострижение имый съ святым и равносверстен бяше и леты съ преподобным» (с. 206–208). Мы обращаем внимание на отмеченную характеристику взаимоотношений подвижников, поскольку она важна для концепции Жития Ферапонта.

⁵ Здесь речь идет о Симоновом Успенском монастыре (Новом Симонове), основанном около 1379 года племянником Сергия Радонежского Феодором Симоновским [1, с. 17–18].

лем. Но вскоре Кирилл оставил этот пост из-за распространившейся о нем мирской славы и отсутствия возможности удовлетворить духовную потребность в безмолвии. Не желая возбуждать зависти к своей славе нового настоятеля, инок решил перейти в монастырь Рождества Пресвятой Богородицы⁶, чтобы продолжить подвиг безмолвия в нем. Из Жития Ферапонта мы узнаем, что этот подвижник, как и Кирилл, много лет прожил в Симоновом монастыре, но исполняя обязанности, связанные с монастырскими хозяйственными нуждами. Он научился беспрекословно и точно выполнять все поручения, поэтому его стали отправлять в местность, находящуюся далеко за пределами обители, что и привело его в Белозерье. Испытывая стремление к безмолвию, подвижник решил лучше ознакомиться с этим местом, но остаться в пустыни ему не позволили обязательства перед братией. Далее в обоих Житиях следует общий фрагмент, начинающийся тем, что Кирилл, находясь в другом монастыре, принял решение поселиться в пустыни, но, не осмеливаясь сделать задуманное, все время в молитвах просил Господа и Богородицу указать ему место спасения, что и осуществилось с помощью повеления Богородицы в явленном Кириллу видении. После этого подвижника навестил вернувшийся из Белозерья инок Ферапонт, и Кирилл расспросил его о том месте, ничего не сказав о видении, а через некоторое время оба инока туда отправились. После долгих поисков Кирилл узнал показанное ему в видении место и рассказал об этом Ферапонту. Иноки прославили Господа и Богородицу и начинали совместное обустройство пустыни. Но Ферапонт недолго пробыл вместе с Кириллом, решив продолжить свой подвиг в одиночестве. Кирилл отпустил духовного брата, и Ферапонт поселился отдельно, не очень далеко от прежнего места. На этом моменте в Житиях общий фрагмент прерывается. Затем из обоих сочинений мы узнаем о дальнейшей жизни подвижников в пустыни, о том, что вокруг них постепенно собралась братия и таким образом, в представлении авторов Житий, были созданы два известных монастыря.

Итак, автор Жития Ферапонта использует сюжетный фрагмент Жития Кирилла, содержащий видение святого, при этом в повествование вводится фигура самого Кирилла. Заглавный герой этого жития, в отличие от других героев названных выше Житий основателей монастырей, тайнозрителем так и не становится (кроме того, заметим, что в Житии Ферапонта нет чудес этого святого, видение Кирилла является его единственным сверхъестественным элементом). Далее мы сосредоточим внимание на приемах, с помощью которых агиографы вводят общий фрагмент в повествования о разных святых, поскольку это позволяет выявить роль рассказа о видении.

В обоих Житиях сначала рассказывается о пострижении и жизни Кирилла и Ферапонта в Симоновом монастыре. Затем авторы сосредоточивают внимание на потребности иноков безмолвствовать в пустыни, которую те не могут осуществить. Основанием для введения автором в Житие Ферапонта фрагмента из Жития Кирилла является, на наш взгляд, то, что Ферапонт, в отличие от Кирилла, не может быть очевидцем видения. В Житиях двух белозерских святых представлены два разных образа основателей монастырей. Автор Жития Кирилла в большей степени акцентирует внимание на духовном совершенствовании своего героя, его стремлении к безмолвию (которое достигается путем непрестанной молитвы⁷), что и подготавливает Кирилла к роли героя-тайнозрителя. В Житии Ферапонта

⁶ Так называемый Старый Симонов, находящийся недалеко от Нового, также основанный Феодором, около 1370 года [1, с. 19].

⁷ О безмолвии (исихазме) как способе индивидуальной молитвенной практики см., например: [5, с. 53–54]. Отметим, что тайнозрителем названных нами северорусских житий основателей монастырей видения явлены, как правило, в молитвенном состоянии.

показана преимущественно «внешняя» сторона происходящего в жизни героя, погруженного в бытовые хлопоты по обустройству монастыря. Попробуем объяснить обусловленность такого взгляда агиографа на своего заглавного героя, рассматривая построение фрагмента из Жития Кирилла.

В начале этого фрагмента внимание автора сосредоточено на ситуации «внутреннего конфликта» Кирилла, не решающегося осуществить свое намерение безмолвствовать. Явленное подвижнику видение помогает разрешить его сомнения (в Житии Кирилла это кульминационный момент сюжета). В конце рассматриваемого нами фрагмента Жития появляется второстепенный герой – инок Ферапонт. Для Кирилла Белозерского это еще один знак, подтверждающий предренность его судьбы Всевышним. Фигура Ферапонта имеет в повествовании вспомогательную роль, его главная задача – привести Кирилла на показанное тому в видении место. Как только это осуществляется, подвижники расходятся, и линия Ферапонта в сюжете Жития Кирилла прерывается. Заметим, что фигура инока Ферапонта, служащая в этом сочинении инструментом для осуществления замысла высших сил, сама по себе неинтересна агиографу, поэтому у него нет необходимости его идеализировать. Вероятно, в связи с этим в тексте Жития Кирилла сохранились реальные факты биографии инока.

Автор Жития Ферапонта, в свою очередь, создавая образ заглавного героя, берет за основу эпизод, когда в повествование о жизни Кирилла вводится фигура этого инока. Согласно требованиям жанра, агиограф идеализирует Ферапонта, но при этом следует фактам его биографии, отраженным в Житии-источнике. Поэтому, несмотря на склонность инока к уединению, в рассказе о его жизни на первый план выступают, как уже отмечалось, не его аскетические побуждения, а практические навыки человека, занимающегося монастырским хозяйством. Так как в образе Ферапонта изначально нет духовного потенциала, позволяющего сделать его тайнозрителем, в его Житии, в рассказе о начале жизни в пустыни, автор прерывает его линию и вводит линию Кирилла. В заключение этого рассказа, когда в повествовании вновь появляется инок Ферапонт, прерванная линия этого героя восстанавливается. Так, в тексте Жития Ферапонта желание Кирилла безмолвствовать, совпавшее с желанием инока, убеждает последнего вернуться в Белозерье.

Автор Жития Ферапонта создает образ инока – главного героя повествования, а не вспомогательного персонажа, как Пахомий Серб в Житии Кирилла, это приводит к тому, что заимствованный фрагмент в контексте сочинения о Ферапонте приобретает дополнительный смысл, помимо раскрытого в Житии-источнике: помощь Ферапонта Кириллу в реализации его предназначения становится лишь началом его большего подвига (как только инок помогает Кириллу обжиться в пустыни, в сюжете его Жития линия Кирилла прерывается).

Из отличий в трактовке агиографами образа Ферапонта следует отметить также разное объяснение момента его ухода от Кирилла в другое место пустыни. Согласно Житию Кирилла Белозерского, Ферапонт и Кирилл разлучились, поскольку не сошлись во взглядах на обустройство пустыни: «Кирилл бо тесное и жестькое хотяше, Ферапонт же пространное и гладкое» (с. 76). В изображении автора Жития Ферапонта этот подвижник расстался с Кириллом, так как его не покидало желание самостоятельно обосноваться в пустыни. Кроме того, при описании момента расставания подвижников их вероятный жизненный конфликт был заменен изображением их полного единодушия и братской любви, впрочем, сохранившем следы реального события (уходя от Кирилла, Ферапонт просит его не обижаться и отпустить с любовью): «И молю Бога ради честную ти святыню (речь идет о Кирилле Белозерском. – Т. К.), да не оскорбишися на мя о разлучении сем... Молит же его блаженный Ферапонт, да его с любовию отпустит» (с. 210).

Рассмотрев, каким образом в текст Житий белозерских иноков вводится общий фрагмент, содержащий видение, скажем о роли этого рассказа в создании агиографами концепции святости подвижников.

Ранее мы уже говорили, что самовольный уход Кирилла и Ферапонта из монастыря был нарушением монастырского устава, несовместимым с идеальным образом героя иноческого жития. В Житиях белозерских подвижников повеление Богородицы, данное Кириллу в видении, оправдывает и освящает их уход в пустынь. Но если для автора Жития Кирилла имеет значение только его подвиг, создатель Жития Ферапонта намеренно связывает в повествовании общим событием судьбы двух разных героев, явно развивая мысль о взаимосвязи их жизненного пути и глубоком духовном родстве, что, по его мнению, является необходимым условием создания и существования монастыря, основанного его героем.

Список литературы

1. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартириан Белозерские. СПб.: Глаголь, 1994. (Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях)
2. *Карбасова Т. Б.* Кирилл Новозерский: история почитания: Исследование и тексты. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011.
3. *Буланин Д. М.* О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1983. Т. 37. С. 3–13.
4. *Лихачев Д. С.* Избранные работы: В 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 1.
5. *Мейендорф И.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. СПб.: Византинороссика, 1997. (Subsidia Byzantinorossica. Т. 2)

T. I. Kovaleva

Novosibirsk, Russian Federation

ON THE ROLE OF VISIONS IN HAGIOGRAPHIC NARRATION (EXAMPLES OF STORIES ABOUT THE VISION IN THE LIVES OF CYRIL AND THERAPONT BELOZERSKY)

The article analyzes the episodes of the Lives of Cyril and Therapont Belozersky containing identical stories about the vision. The author of Therapont's Life introduces Cyril and almost literally replicates description of the saint's religious retreat from his Life without making Therapont the visionary unlike the authors of the other North Russian Lives using the story about the vision of Cyril. The vision that was revealed to Cyril justifies and sanctifies Cyril and Therapont's religious retreat made without the Abbot's blessing. And while the author of Cyril's Life pays attention to the feat of his hero, the creator of Therapont's Life intentionally connects the fates of two different heroes in the narrative with a common event, emphasizing the continuity of their spiritual affinity and the theme of continuity in the service of God, fundamental for the concept of this writing.

Keywords: Old Russian literature, hagiography, hagiographic narrative, vision, plot fragment, litary source.

Kovaleva Tatyana I. – Junior Researcher of Literary Studies Section of Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, tkvl@inbox.ru)